

УДК 281.93
ББК 86.372
Л38

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
Номер ИС Р18-720-0752*

Легойда, Владимир Романович.
Л38 Церковь, возвышающая голос / Владимир Легойда. — Мо-
сква : Эксмо, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-04-091178-3

Сегодня все чаще и чаще вызов Церкви бросают не только анонимные пользователи социальных сетей и эпатажные блогеры, но и некоторые традиционные СМИ. Неужели на самом деле «всем, умеющим думать, все ясно», и Церковь — это про пиар и деньги, про борьбу за власть и ресурсы, про циничную эксплуатацию искренней веры и религиозных чувств, про выборы и гламур? В книгу вошли избранные публикации председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом, в которых он касается самых острых и неудобных вопросов, задаваемых сегодня Церкви обществом, и рассматривает основные мифы и стереотипы о Церкви как алчной рассаднице агрессивного мракобесия, обслуживающей прагматичные интересы власть имущих.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-091178-3

© Легойда В.Р., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Содержание

Предисловие	7
Христос и свобода.....	11
О «прогрессивной» Церкви и компромиссах с властью	22
Без сослагательного наклонения	44
Права человека и крокодила	49
«Милосердие — поповское слово»	69
Молитва и большая политика	73
Церковь в ожидании интеллигенции.....	88
Задача Церкви — не допустить расчеловечивания ...	92
Чтобы помнили	104
«Враг Церкви — диавол, а не российские либералы»	108
Прекратить убивать счастье	116
«Ересь — это не ругательство, а опасность для души, искажающая истину»	120

Чувства верующих и неверующих, или Почему не стоит ходить со своим уставом в чужой монастырь	125
Гуманизм без Христа неизбежно превращается в антигуманизм	129
Гражданское общество и конец света	144
Прощай, Матильда! Здравствуй, честь!	151
Вместо заключения	170
Приложение.....	178
Указатель тематический	189

Предисловие

- Скажите, а зачем патриарх едет в город (страну) N?
- Чтобы помолиться у святынь, встретиться и пообщаться с паствой.
- Это понятно... А *на самом деле* зачем он туда едет?

Подобные диалоги с журналистами за восемь лет работы в Церкви у меня случались десятки раз. Может быть, сотни. Практически перед каждой поездкой Патриарха Кирилла.

И правда: для чего Патриарх едете на Украину, в Белоруссию или на Дальний Восток? Зачем строятся храмы и монастыри в Москве и других городах? Для чего Церковь идет в больницы, создает приюты и кормит бездомных?

Если человек считает, что Бога нет, то он должен найти какие-то иное, свое объяснение существованию Церкви, служению священников и епископов. Такие объяснения могут быть более-менее доброжелательными («люди неплохие, только не очень умные: верят в то, чего нет»), а могут быть злобно-агрессивными («дураки; людей обманывают, чтобы ими манипулировать и тянуть из них деньги»).

У меня нет сомнений в том, что желание добраться до истины — это естественное и правильное. Сомневаюсь я только в том, что найти эту самую истину возможно

с установкой, что вам уже «все ясно» в некоторых (а то и во всех) вопросах.

Эта книга — в том числе для тех, кому ясно не все. Кто задает вопросы, пусть острые и неприятные, но кто готов слушать. И отказаться от стереотипов и мифов, наполнивших сегодня как некоторые традиционные СМИ, так и социальные сети и блоги.

Кстати, о вопросах. Еще один, очень распространенный: а что Церковь делает? Каков ее вклад в общественную, культурную, социальную жизнь? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, надо также избавиться от ряда ложных стереотипов, изменить угол зрения, попытаться понять, что такое Церковь и чем она не является.

Церковь нередко ставят в один ряд с политическими партиями или общественными организациями. Однако деятельность, которую ведет Церковь, не может быть тождественна ни политической, ни общественной (хотя где-то они и могут пересекаться).

После наводнения на Дальнем Востоке в 2013 году на призыв о помощи пострадавшим откликнулось очень много организаций и людей. Больше всего средств было собрано в ходе телемарафона, проведенного Первым каналом. И тогда в общественном поле началось обсуждение: а какой вклад сделала Церковь? Ведь если взять конкретные цифры, то видно, что ее вклад проигрывает по сумме собранных средств. Вопрос простой: как считать? Многие журналисты принимали в

расчет средства, собранные Синодальным отделом по благотворительности. Но ведь это далеко не все. Кто были те люди, которые давали деньги в ответ на призыв Первого канала? Разве среди них не было православных? Или среди тех, кто сдавал деньги с помощью Общественной палаты? А среди политиков и бизнесменов, сделавших большие пожертвования, тоже ведь были верующие православные люди.

Но главное даже не это. Церковь, если хотите, работает, не столько с проблемами, сколько с их источником — человеческим сердцем. В борьбе, которую ведет Церковь, победа происходит, когда человек выходит из храма с изменившимся сердцем. Когда человек уже не может грубить, обижать, воровать, обманывать, брать взятки. По крайней мере, старается этого не делать. Когда он начинает откликаться на чужое горе, как откликнулись миллионы православных на беду на Дальнем Востоке. Когда каждое дело верующего превращается в свидетельство о Христе. Поэтому на вопрос, что Церковь делает, какие «технологии» задействует, каков результат ее служения, ответить можно коротко: Церковь меняет людей, а люди меняют мир.

И борьбе. О ней ведь тоже часто спрашивают: кто враги, кто друзья, с кем Церковь воюет на самом деле и проч. Единственная война, которую ведет Церковь — это война с грехом; в человеке и в обществе.

Немало тех, кто считает, что это общие слова, маскировка. Но в том-то и беда: мы настолько травмированы

политизацией нашей жизни, нашего мышления, что часто «на автомате» подвергаем сомнению любое утверждение, в котором не можем раскопать чьей-то выгоды. И в ситуации, когда в окружающем мире не остается ничего неизблемого, когда им начинают править скрытые смыслы, Церковь — тот институт (раз уж многим так хочется называть ее институтом), который пытается вернуть в мир интерпретаций и частных позиций — понятие истины, а «общим словам» — конкретное содержание.

Церковь — это не про пиар и деньги, не про борьбу за власть и финансы, не про выборы или гламур. Церковь — это про общение человека с Богом. Церковь на самом деле считает, что борьба человека с грехом в себе важнее всякой другой борьбы в этом несправедливом мире.

Об этом и возвышает свой голос.

Христос и свобода

Может ли Церковь иметь дело с порочным государством? Должна ли Церковь призывать к восстанию против режима, который подавляет свободу? Как вам кажется, не пора ли Церкви присоединиться к оппозиции, обличающей очевидное зло? Что-то знакомое есть в прижимающей к стенке интонации этих вопросов... *Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?*

...В тот раз фарисеи решили наверняка поймать Иисуса на слове, заставить Его назваться либо врагом евреев, либо — другом народа, разделяющим его ненависть к власти. Но прозвучавший ответ поражает вопрошающих. Христос не принимает предложенной фарисеями оппозиции «ты либо свой — либо чужой», но снимает эту оппозицию вовсе: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мк. 12:17). При этом Он утверждает то, чего никто не ожидал: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18:36).

Вот так: Христос не призывал евреев не платить налог Риму, но это никак не умаляло Его достоинства и не делало врагом еврейского народа, хотя именно в сочувствии языческой оккупационной власти фарисеи пытались уличить Спасителя. И пришел Христос не для того, чтобы пробудить гражданское сознание евреев, которое и без того вполне себе было активно

антиримским. А Он вдруг *не призвал* к восстанию. «Кесарево — кесарю», Богу же нужно отдать свое сердце. Того, кто действительно это сделал, не сломит ничто, никакая несправедливость: ни отобранный дом, ни изменившая жена, ни сама смерть.

От чего Христос освободил человечество?

Безусловно, христианин ценит дарованную ему Богом свободу и не может приветствовать ее подавление или всякое унижение человеческого достоинства, тем более физическое уничтожение человека. Социальная несправедливость, угнетение, насилие — это очевидное зло, а злу нужно противостоять. Это в полной мере относится к злу, творимому отдельной личностью, обществом, государством или от имени государства. И противостоять этому может как отдельная личность, так и общество и само государство. Вопрос в другом: от чего освободил человечество Христос? От подчинения государству или от рабства греху?

Христос победил смерть и принес в мир подлинную жизнь, которая обладает ценностью только потому, что является вечной и неприкосновенной. Единственным источником этой ценности (равно как и всех остальных для христианина) является Сам Христос, подвигом Которого преодолевается главная, но заслуженная нами, людьми, несправедливость человеческой жизни. И несправедливость эта не в насилии государства, но в неизбежности смерти. Свобода — дар Божий. Но это не

только свобода выбора, которую, безусловно, нельзя насильственно отбирать у человека, но в первую очередь свобода от греха, которую никакое государство не может отобрать, если человек следует Христу. Сам Христос приносит не право человека на свободу от государственной машины, но нечто гораздо большее — свободу от смерти, от ада. Вот революция Христа, и она совсем не похожа на то, что ждали от Него фарисеи. «Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?» — повторяя вслед за апостолом Павлом эти слова пророка Осии, святой Иоанн Златоуст утверждает: «Воскрес Христос, и ты (ад. — В. Л.) низвержен». Эти пасхальные слова звучат не только сегодня, в условиях критикуемого некоторыми людьми государства. Они разрывали покров тьмы и в советское время, когда вопрос прав и свобод человека стоял существенно острее, чем в наши дни.

Христиане призваны к жизни во Христе. И Его победу нельзя присвоить или соткать из нее путы, как может показаться людям, недовольным тем, что Церковь идет на контакт с государством. Человек не может присвоить себе того, что принадлежит Богу. Сколько ни убивали христиан-мучеников в минувшие эпохи, сколько ни убивают и ни унижают невинных и праведных людей сегодня, проигравшими, убитыми для вечности оказываются насильники и убийцы, а не их жертвы. В этом — христианское послание свободы от смерти и греха, и для него вторичны потуги государства отнять у человека достоинство. Равно как и ограничены все усилия в любом государстве и гражданском обществе это достоинство безусловно и навеки утвердить.

Рай на земле невозможен. Это не означает, конечно, что христианин призван мириться с несправедливостью и подчиняться ей. Не об этом речь. А о том, что никто и никогда не способен отнять у человека главную свободу, дарованную Богом. Христианские мученики всех веков доказали это своим подвигом. Сотни тысяч сохранивших ценой жизни свое достоинство быть свободными со Христом пострадали в советское время — какая уж тут «холопская черта» русского народа, о которой так любят говорить сегодня некоторые соотечественники! Это не «рабы Божьи и государевы» — это подлинные братья Христовы. При этом сами христиане называют себя «рабами Божиими» не из-за похлебки, а ради смирения, не дерзая назвать себя братьями и детьми Христа.

Почему Церковь не борется с «режимом»?

Церковь не призывает к рабскому подчинению государственной власти. Государство, по известным словам русского философа Владимира Соловьева, предназначено не для того, чтобы земная жизнь стала раем, но чтобы она не превратилась в ад. Вот с чем связано уважительное отношение Церкви к государственной власти и ее безусловно важной функции. Впрочем, в «Основах социальной концепции» Русской Православной Церкви закреплено право на гражданское неповиновение власти, принуждающей верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям.

Но этого критикам Церкви часто оказывается мало, и они вопрошают: почему Церковь не возвышает, причем громко и яростно, свой голос против порочных явлений в государстве и обществе?

Видимо, авторы таких вопросов исходят, во-первых, из презумпции самоочевидности пороков «режима», отсутствие постоянной жесткой критики которого объявляется конформизмом. Во-вторых, именно эта задача обличения власти полагается сегодня важной (важнейшей?) для Церкви.

Но думается, что подобная оценка текущей ситуации при таком раскладе является именно и только политической. Поэтому Церкви, чтобы удовлетворить таких критиков, пришлось бы занять как раз явно политическую позицию — на уровне ее официальных структур. Последнее вызвало бы не только критику, не менее острую, со стороны других политических сил, но и понудило бы Церковь заниматься тем, чем ей заниматься совсем не пристало — собственно политической деятельностью.

Каждый по-своему видит идеальное государство, но христианину очевидно, что этот институт, вызванный к жизни грехопадением человека, по определению не может стать совершенным в пределах земной истории человечества. Более того, сама Церковь в своей организационной природе несет отпечаток тех несовершенств, которые характерны для современных ей государства и общества, потому что состоит из тех же людей.

Прекрасно понимая это, еще блаженный Августин (354–430) сформулировал свою концепцию «двух градов» — земного и небесного. Примечательно, что Августин настаивал на том, что в земной жизни, включая жизнь земной Церкви — верующих людей, — оба эти града перемешаны и только в вечности мы узнаем, кто к какому принадлежит. Конечно, эта концепция не имеет статуса догматического учения, однако было бы неправильным игнорировать интуиции великого святого ранней Церкви. Тем более что интуиции эти полностью согласуются с евангельской притчей о пшенице и плевелах.

Можно вспомнить, что и среди учеников Спасителя был предатель, который воровал жертвуемые деньги. Воровство Иуды существовало, судя по всему, вплоть до самого последнего момента, пока не закончилось еще худшим — предательством. И что же: сообщество Христа и Его апостолов тоже следует назвать «порочным институтом», который «неэффективно борется с внутренними злоупотреблениями»? Конечно, от любого такого примера можно отмахнуться: ну когда это было! То Евангелие, а то — жизнь. Но ведь все дело в том, что Евангелие — именно о жизни.

Призывает ли Церковь к «конформизму»?

Если мы, как предлагают упомянутые ранее критики, будем мыслить о Церкви в терминах и логике политики, то не найдем, наверное, ни одного периода в исто-

рии Церкви, когда тех или иных ее представителей нельзя было бы при желании обвинить в конформизме.

Некогда император Константин созвал и возглавил «собрание конформистов» — епископов христианской Церкви, подчинившихся воле язычника — главы государства. Собрание это вошло потом в историю как Первый Вселенский Собор, а председательство императора никак не повредило ценности принятых там догматов. Вроде бы само по себе председательство язычника (пусть уже формального) на Соборе отцов Церкви не может радовать христианина. Но представьте себе альтернативу: епископы, проклявшие язычника Константина с его претензиями на «сакральную» власть, сорванный Собор, возможно, отказ императора от крещения. Что дальше?

Я совсем не к тому, что Церковь должна закрывать глаза на несовершенства и в своей среде, и в сфере государственного управления. Этого и не происходит. Церковь осуждает грехи властей предержавших, которые в среднем имеют их не меньше и не больше, чем те, кто властью не обладает. Просто иногда это другие грехи.

Существует, например, не совпадающая позиция Церкви и государственных структур по ряду вопросов, которые не всегда становятся известны широкой публике. Но от этого до непосредственного участия в политической борьбе — большой шаг, сделав который, Церковь неизбежно превратится из Тела Христова в заурядную

политическую партию и прекратит свое существование — как Церковь. Представители Русской Православной Церкви последовательно выступают с осуждением общественных пороков, например коррупции, причем не только публично. Я сам неоднократно был свидетелем совсем не комплиментарных разговоров Святейшего Патриарха Кирилла с чиновниками разного уровня. Известна не популярная ни среди власти, ни среди части наших сограждан позиция Русской Православной Церкви против нахождения абортотерапии в системе ОМС. И переговоры на эту тему ведутся весьма жесткие. Это тоже конформизм?

Или конформизм в том, что Церковь выступает последовательно и твердо против революционных, насильственных изменений существующих порядков? Да, можно во многом согласиться с теми, кто утверждает, что любой тип государственного правления ставит перед человеком неизбежный нравственный выбор. Только вот альтернатива государству — анархия — лишь делает этот выбор еще более острым. Вполне в логике Черчилля, полагавшего демократию худшей формой правления, если не считать все остальные. Потому что причина, по которой мы делаем выбор в пользу государства, не в наших «холопских привычках», а, как уже говорилось, в падшей природе человека. И чтобы увидеть, к чему приводит отсутствие государства, нашему современнику даже не нужно вспоминать дела давно минувших дней, достаточно включить новости по телевизору и посмотреть, что сегодня происходит у наших соседей: как близких, так и отдаленных.